не сообщают, но 21 апреля 1759 года взбешенный Сумароков представил в Канцелярию Академии наук пространное доношение, в котором колоритно и с нескрываемым презрением к «пьяницам» рассказал о своих обидах на цензора:

В КАНЦЕЛЯРИЮ АКАДЕМИИ НАУК
ОТ БРИГАДИРА АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА
ДОНОШЕНИЕ.

Приказано от Академии сочинения мои просматривать для осторожности, чтоб от меня не вышло чего противного закону и прочего непристойного, хотя я — христианин и не бесчестный человек, и чтоб то просматривал профессор Попов. Пять месяцев я терпел ему, Попову, что он, против приказания, часто складу моему касался и карандашом подчеркивал. Остановки я от него имел неоднократно, ибо он всегда пьян, а часто не только просматривать мои пиэсы, но и выговаривать ничего не может. После обеда я к нему моих сочинений уже и не посылал ради того, что он после обеда всегда мертв пьян и на ногах едва держится. Я старался, избавляяся тяжбы, посылать мои пиэсы к нему по утрам и, тоже не взирая на то, что при всяком рассмотрении было мне от него или паче от водки его озлобление.

Сего месяца 21 дня послал я к нему просмотреть свои сочинения, нечасто, однако иногда удавалось мне от него скорое получать решение, ибо в типографию требуется оных, чтобы наборщики от остановки не были праздны, да то мне между прочим и предписано. Я нарочно, чтобы застать его непьяного, послал к нему в 6 ч. поутру. Однако он до свету еще не мог уже не только ясно говорить, но ниже на ногах стоять. Он подчеркивал у меня и писал всякой вздор без основания и без толку, ни малейшего о том, что он читал, не имея понятия, лишь только меня озлоблял. А я и, кроме того, по театру, а особливо ныне в изготовлении оперы и прочих представлений и сочинений театральных и к тому приготовлений, имею много дела. Я к нему ездил и нашел своего цензора в таком состоянии, в каком на маслянице бывают подобные ему на улицах валяющиеся пьяницы. И сказал только мне, повторяя, что его мне учителем определили, чтоб он меня правил, а того в ордере к нему нет. И точно изъяснено, чтобы он до складу моего не касался. Такому малознающему человеку, хотя б он и не пьяница был, меня учить не можно, а мне такие речи едва сносны. Я больше сей обиды еще никогда не имел, и, ежели всем пьяницам дозволено будет людей ругать беззаконно, так и жить на свете неудобно. Сделает ли мне какое довольствие в моей обиде Академия, это состоит в воле ее; не первой пьяница меня из ученых пьяниц обидит. Есть еще такой же Барков и другие, о которых Академия не меньше меня известна. Я прошу только нижайше всех господ присутствующих по Канцелярии, никого для подозрения не исключая, чтобы приказали мне цензором да и то не в складе, определить не пьяницу, ибо от пьянства профессора Попова мне делается в издании моего журнала остановка, и чтобы Канцелярия Академии наук благоволила мне сделать милость и назначить без замедления времени другого цензора, потому что журнал по всем правам, без данной от меня причины, не нарушив правосудия, остановлен быть не должен. А что он подчеркивал, то ясно доказывает о его во время просматривания состоянии.

Бригадир Александр Сумароков [9]

[9] Там же, лл. 53об.—54.